ПОКА Я ОСТАЮСЬ ЧУДОВИЩЕМ

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

ДАЛИ РОЗИКОВ

18+

ПЕРВАЯ КНИГА ЦИКЛА

Дали Розиков

Пока я остаюсь чудовищем

https://litres.ru/75005548
SelfPub; 2026

Аннотация

«Пока я остаюсь чудовищем»

Двести сорок семь доказанных убийств. Смертный приговор. Последняя инъекция.

Он не просил прощения. Не раскаивался. И не верил, что заслуживает второго шанса.

Но вместо смерти пришло пробуждение.

Чужой мир, жестокие законы, незнакомые люди и загадочная система, предлагающая силу в обмен на очки навыков. Здесь он может начать всё заново. Не становясь лучше — становясь опаснее.

Единственная, кто постоянно оспаривает его решения, — маленькая белая лисица по имени Шеннон. Её никто не видит, кроме него. Она говорит о сострадании. Он видит в сострадании слабость.

Рейнар Вейл не собирается становиться героем.

Но однажды ему придётся узнать, что стоит дороже: абсолютная власть или то, что невозможно получить силой.

Содержание

Пролог. Исповедь смертника 5
Глава I. Пробуждение 11
Конец ознакомительного фрагмента. 30

Дали Розиков

Пока я остаюсь чудовищем

ДАЛИ РОЗИКОВ
ПОКА Я ОСТАЮСЬ ЧУДОВИЩЕМ

Книга первая

Пролог. Исповедь смертника

Забавно.

Из всех людей, которых я встретил за свою жизнь, именно те, кто желает мне смерти, больше остальных верят в человеческую доброту.

Они называют меня чудовищем. Ошибкой природы. Выродком, которому не место среди людей.

Какое трогательное единодушие.

Моё лицо показывали по всем мировым телеканалам. Мою фамилию произносили президенты. Психиатры посвящали мне научные работы, священники молились за мою душу, а матери пугали моим именем своих детей.

На одном из заседаний международного трибунала меня официально назвали худшим представителем человеческого вида за всю современную историю.

Я тогда рассмеялся.

Судья потребовал тишины. Женщина в первом ряду заплакала. Кажется, я убил её дочь. Или сына. Честно говоря, лица давно перемешались.

Двести сорок семь доказанных убийств. Сотни искалеченных судеб. Десятки семей, которым уже никогда не собраться за одним столом.

И это только то, что им удалось доказать.

Смертный приговор мне вынес суд страны, где меня за-

держали. Международный трибунал ограничился рассмотрением самых громких эпизодов и красивыми словами о бесчеловечности. Местный суд предпочёл назначить дату казни.

Но знаете, что меня действительно раздражает?

Не смертный приговор. Не эта отвратительная камера с запахом хлорки и дешёвого мыла. Даже не тупоголовый охранник, который уже третью неделю предлагает мне поговорить с Господом.

Меня раздражает ваше лицемерие.

Вы строите свою жизнь вокруг выдуманных правил. Любовь. Дружба. Верность. Сострадание. Какая прекрасная коллекция слов, за которыми вы прячете свою трусость.

Вы называете любовью страх остаться в одиночестве. Дружбой — взаимовыгодную сделку. Верностью — отсутствие более привлекательного предложения.

А потом удивляетесь, когда кто-нибудь вроде меня отказывается участвовать в этом жалком спектакле.

Я никогда никого не любил.

Даже собственную мать.

Она умерла, когда мне было семнадцать. Помню, как родственники собрались вокруг гроба. Все плакали. Кто-то обнимал меня, кто-то говорил, что теперь она в лучшем мире.

А я думал о том, что наконец смогу занять её спальню.

Наверное, именно тогда я впервые понял, насколько мы разные.

Вы видите трагедию там, где я вижу обстоятельство.

Вы испытываете вину там, где я испытываю любопытство.

Вы ищете смысл в страданиях, а я никогда не пытался придать им смысл.

Впрочем, было бы нечестно утверждать, что я ничего не чувствую.

Я люблю наблюдать.

Люблю тот едва заметный момент, когда уверенность покидает человеческое лицо. Когда человек, ещё минуту назад убеждённый в справедливости мира, понимает, что справедливость не придёт.

Особенно мне нравились хорошие люди.

Те, кто помогал незнакомцам. Кто верил обещаниям. Кто открывал дверь, услышав просьбу о помощи.

Они всегда удивлялись сильнее остальных.

Вы назовёте это жестокостью.

Я называю это наблюдением за человеческой природой.

***

Сегодня меня казнят.

В шесть часов утра за мной придут трое. Один прочитает постановление суда. Другой наденет наручники. Третий будет молчать, потому что ему неприятно смотреть мне в глаза.

В соседней комнате уже подготовили кушетку.

Стерильные инструменты. Медицинские перчатки. Ремни, чтобы удерживать тело.

Как много усилий ради одного человека.

Снаружи собралась толпа. Тысячи людей ждут моей смерти. Некоторые держат фотографии моих жертв. Другие принесли плакаты.

«СГОРИ В АДУ».

Милые мои, я ведь никогда не верил в ад.

Но если он существует, полагаю, мы ещё встретимся.

Вчера ко мне приходил священник.

Он спросил, чувствую ли я хотя бы каплю раскаяния.

Я попросил его подойти ближе.

Он наклонился, ожидая услышать признание. Наверное, уже представлял, как расскажет журналистам о последнем раскаянии самого страшного преступника столетия.

Я улыбнулся и прошептал:

— Если бы мне дали прожить эту жизнь ещё раз, я бы постарался не попасться.

Священник ушёл, не попрощавшись.

Невоспитанно.

***

За дверью послышались шаги.

Вот и всё.

Забавно, что люди так боятся смерти. Они строят памятники, пишут завещания, заводят детей, надеясь оставить после себя хоть что-нибудь.

Мне не нужны дети.

Я уже оставил после себя достаточно.

Моё имя переживёт каждого из тех, кто сегодня стоит за стенами тюрьмы. Обо мне будут писать книги. Снимать фильмы. Спорить, был ли я безумцем или воплощением абсолютного зла.

А я не был ни тем ни другим.

Я просто хотел делать то, что мне хочется.

И делал.

Дверь открылась.

— Пора.

Охранник избегает моего взгляда. Какая прелесть. Даже сейчас, когда моя жизнь находится в его руках, он меня боится.

Я поднимаюсь.

Коридор кажется длиннее обычного. Белые стены, холодный свет ламп. Где-то гудит вентиляция.

В комнате меня встречают молчанием.

Меня укладывают на кушетку. Затягивают ремни. Кто-то проверяет пульс.

— Вы хотите сказать что-нибудь напоследок? — спрашивает человек за стеклом.

Я поворачиваю голову и смотрю прямо на него.

— Да.

Он делает знак остановиться.

Все ждут.

Я улыбаюсь.

— Знаете, что самое смешное? Вы доказывали, что я не

человек. А теперь убьёте меня, уподобившись мне же.

Никто не отвечает.

— Ну же, господа. Неужели никто не оценил шутку?

Тишина.

Я начинаю смеяться.

Сначала тихо, потом громче. Так громко, что мужчина в медицинском халате просит меня успокоиться.

Какие же вы скучные.

Он подходит ближе.

Я смотрю в потолок.

Впервые за много лет мне действительно интересно, что будет дальше.

Не потому, что я боюсь.

Нет.

Мне просто любопытно, существует ли что-нибудь по ту сторону.

И если существует…

Интересно, можно ли причинять боль мёртвым?

На мои глаза опускают повязку.

Темнота.

Я чувствую, как игла протыкает кожу, и смертельная жидкость начинает свой путь по моим венам.

Глава I. Пробуждение

Первым вернулся холод.

Не боль. Не страх. Даже не дыхание.

Холод.

Он медленно пробирался сквозь одежду, впитывался в кожу и заставлял тело дрожать. Я открыл глаза.

Надо мной было серое небо, затянутое тяжёлыми облаками. Несколько секунд я просто смотрел вверх, пытаясь понять, что произошло.

Последнее, что я помнил, — холодный металл под спиной. Белый потолок. Человека в медицинской одежде. Тонкую иглу, вошедшую в вену.

И собственную мысль перед тем, как сознание окончательно погасло:

«Вот и всё».

Меня казнили.

Не за преступление, которого я не совершал. Не по ошибке и не в результате судебной несправедливости. Я действительно убивал людей.

Мужчин.

Женщин.

Детей.

Суд перечислял их имена несколько часов. Родственники плакали. Прокурор называл меня чудовищем, а журналисты

соревновались в придумывании заголовков.

Я не пытался оправдываться. Мне было нечего им сказать.

А потом мне ввели смертельную инъекцию. И всё должно было закончиться. Однако теперь я лежал посреди незнакомого леса и смотрел на проклятое небо.

— Какого чёрта?..

Я резко сел.

Осмотрел руки, ощупал лицо, грудь, шею. Никаких следов медицинских процедур.

Никакой боли.

Даже одежда была чужой: грубая рубаха, тёмные штаны, кожаный пояс и поношенные сапоги. Я медленно поднялся.

Вокруг простирался лес.

Незнакомые деревья, мокрая земля, густой подлесок. Ни дорог, ни зданий.

— Это что, ад?

— Если это ад, то у администрации серьёзные проблемы с организацией.

Голос прозвучал совсем рядом.

Женский.

Спокойный.

И совершенно неуместно весёлый. Я обернулся.

Никого.

— Кто здесь?

— Внизу посмотри.

Я опустил взгляд.

На поваленном дереве сидело маленькое белое существо, напоминавшее фенека с огромными ушами. Оно смотрело прямо на меня.

— Ты кто?

— Фенек.

— Я спрашиваю, кто ты такая.

— А я отвечаю. Фенек. Маленькая обитательница пустыни. Хотя, признаюсь, климат здесь совершенно неподходящий.

Я молча смотрел на неё.

Она моргнула.

— Ну что? Будем знакомиться или продолжим играть в гляделки?

— Ты разговариваешь.

— Наблюдательный.

— Фенеки не разговаривают.

— А мёртвые не просыпаются посреди леса. У нас обоих сегодня насыщенный день.

Я замер.

— Откуда ты знаешь, что я умер?

Она слегка наклонила голову.

— Ты сам только что об этом думал.

— Читаешь мысли?

— Иногда. Не все. И не всегда. Не представляешь, какое это счастье.

Я нахмурился.

— Как тебя зовут?

— Шеннон. Для начала запомни полное имя.

— А сокращать запрещено?

— Не всем. Тебе пока рано. Сначала попробуй понравиться хотя бы одному живому существу.

— Что ты здесь делаешь?

— Сижу на дереве и разговариваю с очень подозрительным мужчиной.

— Я серьёзно.

— Я тоже.

Мы некоторое время смотрели друг на друга. Потом она спрыгнула с бревна и направилась между деревьями.

— Идём.

— Куда?

— Искать цивилизацию.

— Ты знаешь дорогу?

— Нет.

— Тогда почему туда?

Она обернулась.

— Потому что вечно стоять здесь мы не можем. Хотя тебе, возможно, привычнее ждать, пока мир сам принесёт всё необходимое.

— А тебе, вижу, привычнее выбирать дорогу наугад.

— У меня хотя бы есть предложение. Это уже на одно больше, чем у тебя.

Я посмотрел на лес, затем на маленькое белое существо

и пошёл следом.

***

Мы шли долго.

Шеннон оказалась невероятно разговорчивой. Она задавала вопросы, комментировала происходящее и иногда разговаривала сама с собой. Я же пытался разобраться в собственном положении.

Я был жив.

Это не укладывалось в голове. Впрочем, способность Шеннон говорить — тоже.

Сначала я предположил, что нахожусь в коме. Затем — что смертельная инъекция вызвала галлюцинации. Но время шло.

Холод оставался настоящим.

Голод тоже.

В какой-то момент я намеренно ударил кулаком по дереву.

Костяшки заболели.

— Зачем ты это сделал? — спросила Шеннон.

— Проверяю кое-что.

— Головой проверять не пробовал? Хотя нет, не надо. Дерево ни в чём не виновато.

Я проигнорировал её.

Спустя некоторое время лес начал редеть. Тогда я и почувствовал запах.

Гарь.

Сырость.

Гниющая плоть.

Очень знакомое сочетание. Я остановился.

— Там кто-то умер.

Шеннон подняла мордочку.

— Откуда ты знаешь?

— По запаху.

— Ты уверен?

— Абсолютно.

За деревьями показались крыши.

Деревня.

Невысокие деревянные дома, соломенные кровли, частокол, грязная дорога. Я ускорил шаг. Но, приблизившись к первым постройкам, понял, что людей здесь искать уже бессмысленно.

Тишина.

Полная.

Ни разговоров.

Ни животных.

Ни звука работы.

Возле въезда лежал мужчина.

Лет сорока, может, пятидесяти. На спине виднелись следы нескольких ударов оружием. Я присел, осмотрел тело.

— Мёртв давно.

— Ты даже не удивился, — заметила Шеннон.

— Чему?

— Здесь лежит убитый человек. А у тебя на лице выражение, словно ты проверяешь, не забыл ли кто-нибудь вынести мусор.

Я поднялся.

— И что?

Она внимательно посмотрела на меня.

— Ничего.

Я переступил через труп и направился дальше. На главной улице обнаружились ещё несколько погибших.

Мужчина возле колодца.

Старуха у разбитой телеги. Двое вооружённых людей у ворот дома. Я задержался возле последних.

Их оружие осталось при них.

Странно.

Если деревню разграбили, почему не забрали хотя бы мечи?

Я присел возле одного из погибших.

Проверил ножны.

Оружие оказалось тяжёлым, плохо сбалансированным, но настоящим.

Забрал его.

— Ты собираешься взять вещь мертвеца? — спросила Шеннон.

— Ему она больше не понадобится.

— К оружию претензий нет. Только не делай вид, будто это обычная прогулка за покупками.

— А ты предлагаешь попросить разрешения?

— Нет. Просто напоминаю, что человек не становится складом бесплатных вещей только потому, что умер.

Я закрепил ножны на поясе. И продолжил путь.

***

Главная площадь открылась за поворотом.

Там я впервые остановился.

Не от страха.

Не от отвращения к крови. И даже не от количества мёртвых. Я окинул взглядом площадь и медленно выдохнул.

— Вот это уже интересно…

Шеннон вышла из-за моей ноги. И тоже замерла. Перед нами было не просто место массового убийства.

Кто-то превратил центральную площадь в чудовищную выставку. Вдоль дороги стояли столбы с прибитыми к ним человеческими телами.

Некоторых погибших расчленили. Их останки намеренно разложили так, чтобы всякий вошедший в деревню неизбежно их увидел.

У колодца возвышалось сооружение из деревянных балок. На перекладинах висели дети. А внизу, у основания столбов, были прибиты тела женщин.

Их расположили в неестественных позах, словно матери пытались дотянуться до своих детей. Это была не случайность.

Кто-то специально устроил всё именно так. Я медленно прошёл вперёд. На стенах домов виднелись вырезанные символы.

Возле одного из входов стояли человеческие головы, выставленные как предупреждение.

Двери некоторых домов были распахнуты. Другие заколотили снаружи. Но самое странное заключалось в другом.

Убийцы явно никуда не спешили. Они провели здесь много времени.

Возможно, несколько дней.

— Что это?.. — прошептала Шеннон.

Вместо ответа я подошёл к ближайшему столбу, проверил крепления и только потом поднял взгляд на виселицу.

Работа была проделана старательно. С какой-то отвратительной последовательностью. Я видел много мёртвых.

Больше, чем смог бы вспомнить. И значительная часть этих людей умерла по моей вине. Но здесь было кое-что, с чем я раньше не сталкивался.

Не просто убийство.

Желание превратить смерть в представление.

Я убивал людей, потому что хотел их смерти.

Иногда из ненависти.

Иногда из расчёта.

Иногда потому, что считал это необходимым для собственных целей.

Мне нравилось замечать, как у людей рушится надежда.

Момент, когда жертва осознавала, что её никто не спасёт, всегда казался мне любопытным.

Но когда человек был мёртв, для меня всё заканчивалось. Я не видел смысла сооружать из тел памятники собственной жестокости. Не стремился превращать убийство в зрелище, предназначенное для тех, кто придёт позже. Это не делало меня лучше. И не возвращало никому жизнь. Но подобного зрелища я прежде не видел.

— Кто мог такое сделать? — тихо спросила Шеннон.

— Тот, у кого слишком много свободного времени.

— Ты сейчас шутишь?

— Нет.

Я повернулся к ней.

— Посмотри внимательно. Их не просто перебили. Тела перетаскивали. Сооружали конструкции. Расставляли. Кто-то всё это планировал.

Она смотрела на меня молча.

— Здесь работала целая группа, — продолжил я. — И руководил ею человек, которому было важно не только убить.

— А что ещё?

Я посмотрел на детей.

— Чтобы остальные увидели результат.

Шеннон опустила голову.

— Это ужасно. И не вздумай сейчас назвать это любопытным опытом.

— Да.

Она удивлённо подняла взгляд.

— Ты так считаешь?

— А почему нет?

— Ты даже не испугался.

— А должен?

— Здесь столько мёртвых…

— Шеннон, мёртвые меня не пугают.

— Почему?

Я несколько секунд смотрел на неё.

Потом ответил:

— Потому что я сам убивал.

Она замолчала.

Ветер шевельнул белый мех на её спине.

— Что ты имеешь в виду?

— В своём мире я был убийцей.

Она не отводила взгляда.

— Сколько?

— Людей?

— Да.

Я пожал плечами.

— Достаточно, чтобы меня приговорили к смертной казни.

— Ты убивал невиновных?

— Да.

— Женщин?

— Да.

— Детей?

Я посмотрел на неё.

— Да, Шеннон. И детей тоже.

Маленький фенек медленно отступил. Не из-за моего движения.

Я даже не шевельнулся. Просто теперь она смотрела на меня иначе.

— Ты говоришь об этом так спокойно…

— А как я должен говорить?

— Не знаю.

— Вот и я не знаю.

Она опустила глаза, а затем снова посмотрела на площадь.

— Значит, ты такой же, как они?

Вопрос оказался неожиданно неприятным. Я усмехнулся, но отвечать не спешил.

— Может быть.

— Ты ведь сам сказал, что убивал детей.

— Сказал.

— Тогда почему тебя удивляет то, что произошло здесь?

Я оглядел площадь.

— Потому что я убивал, Шеннон. Но не издевался.

Она ничего не сказала.

— Понимаешь разницу?

— Ты рассуждаешь о разнице так, будто жертвы должны были оценивать твою аккуратность. Для убитого человека она, наверное, не имеет значения.

Я медленно повернул голову.

Посмотрел на неё.

И впервые за время нашего знакомства не нашёл, что ответить. Она была права. Мои жертвы вряд ли считали меня менее жестоким только потому, что я не продлевал их страдания ради удовольствия.

Для них я был таким же чудовищем.

Но всё равно…

Я снова посмотрел на виселицу.

Между желанием убить человека и желанием наслаждаться его мучениями существовала пропасть.

По крайней мере, раньше я в это верил. Теперь не был уверен, насколько глубока эта пропасть на самом деле.

***

Мы осмотрели деревню.

Я старался запоминать детали.

Направление следов.

Расположение погибших.

Состояние домов.

Количество оружия.

Больше всего меня занимало отсутствие обычного грабежа. В некоторых домах всё ещё находились ценные вещи.

Монеты.

Украшения.

Даже запасы зерна.

Тех, кто пришёл сюда, явно интересовало не имущество. В одном из домов я обнаружил тела целой семьи. Они лежали возле стола.

Здесь убийцы не устраивали никакой постановки.

Просто перебили всех.

Я осмотрел комнату.

Забрал флягу, сухари и небольшой мешочек с монетами. Шеннон наблюдала за мной с порога.

— Ты всегда так поступаешь?

— Как?

— Забираешь вещи мёртвых.

— Предпочитаешь, чтобы мы умерли от голода из уважения к их собственности?

— Нет. И я не спорю, что еда нужна. Только не присваивай себе за это звание разумного и доброго человека.

— На него я и не претендую.

Я вышел наружу.

Шеннон последовала за мной. Мы направились к самому большому дому. Он стоял у дальней стороны площади. Каменный фундамент, массивные двери, резные ставни.

Внутри обнаружилось нечто похожее на кабинет.

Массивный деревянный стол, несколько книжных шкафов, опрокинутое кресло. На полу валялись бумаги, разбитая посуда и осколки стекла.

Я обошёл помещение, проверил соседнюю комнату и вернулся к столу. На нём лежала карта. Достаточно большая,

нарисованная на плотном пожелтевшем пергаменте.

Вот это уже было интересно. Я развернул её полностью. Реки, горы, дороги, небольшие поселения. На первый взгляд — вполне обычная географическая карта.

Вот только ни одного знакомого названия. Я наклонился ближе.

Буквы напоминали странную смесь рунических символов и арабской вязи. Ни одного понятного слова.

— Замечательно, — пробормотал я.

— Что там? — спросила Шеннон, запрыгнув на стол.

— Карта.

— Я вижу.

— А прочитать ничего не могу.

— Может, попробуешь перевернуть?

Я медленно посмотрел на неё.

— Шеннон.

— Что? Не помогло? Тогда, боюсь, твой талант к чтению действительно ограничен.

— Иногда лучше молчать.

— Могу попробовать. Но тогда тебе придётся самому говорить умные вещи, а я пока не видела предпосылок.

Она демонстративно отвернулась. Я снова склонился над пергаментом. Возможно, удастся хотя бы понять, где расположены крупные города.

Палец скользнул по жирной надписи в центре карты.

И вдруг…

Прямо перед глазами возникла надпись.

ОБНАРУЖЕН НЕИЗВЕСТНЫЙ ЯЗЫК

Таленское наречие

Желаете изучить новый язык?

Стоимость: 1 очко развития

[ДА] [НЕТ]

Я отшатнулся.

— Какого хрена?!

Шеннон резко повернулась.

— Что?!

— Ты это видишь?

— Что именно?

— Передо мной. Надпись.

Она несколько секунд смотрела в пустоту.

— Нет.

Я провёл рукой перед лицом. Пальцы прошли сквозь светящиеся буквы.

Окно не исчезло.

Я обошёл стол.

Надпись последовала за моим взглядом.

Интересно.

Я не спешил паниковать.

После собственного воскрешения и знакомства с говорящей Шеннон полупрозрачный текст перед глазами уже не казался чем-то совершенно невозможным.

Очко развития… Значит, здесь есть какая-то система?

Я снова перечитал предложение.

Изучить язык.

Одно очко.

Никаких объяснений, откуда эти очки берутся и сколько их вообще. С другой стороны, без знания языка я в этом мире даже дорогу спросить не смогу.

— Ладно. Попробуем.

Я сосредоточился на слове «Да».

Окно мигнуло.

Таленское наречие успешно изучено.

На мгновение возникло странное ощущение, словно кто-то открыл внутри моей головы дверь в помещение, о существовании которого я не подозревал.

Никакой боли.

Просто внезапное понимание. Я посмотрел на карту.

И замер.

Теперь я мог читать. Не угадывать отдельные слова. Не переводить.

Именно читать.

Словно знал этот язык с рождения.

— Охренеть…

— Что опять? — спросила Шеннон.

— Я понимаю надписи.

— И что там написано?

Я провёл пальцем по карте.

— Тален. Название деревни. Здесь река… лес… А даль-

ше…

Я замолчал.

Большинство надписей по-прежнему были непонятны.

Похоже, на карте использовалось несколько языков. И только теперь до меня дошло.

Я потратил неизвестное количество каких-то очков, чтобы выучить местный язык деревни, в которой больше некому разговаривать.

— Гениально, — пробормотал я.

— Что?

— Ничего.

И в этот момент перед глазами возникло новое сообщение.

СИСТЕМА РАЗВИТИЯ

Первый навык успешно приобретён.

Желаете ознакомиться со своими характеристиками и доступными возможностями развития?

[ОТКРЫТЬ ХАРАКТЕРИСТИКИ]

— Вот теперь становится интересно.

Подтвердил.

Окно исчезло.

И на его месте открылось другое.

ХАРАКТЕРИСТИКИ ПЕРСОНАЖА

Очки развития: 9

Сила: 0/4

Ловкость: 0/4

Здоровье: 0/4

Убеждение: 0/4

Выберите характеристику, чтобы ознакомиться с её свойствами.

Я внимательно изучил каждую строку.

Девять очков.

Значит, изначально их было десят

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.